

при визначенні держави акцентують на проблемі влади, що виступає функцією держави, філософи шукають субстанцію даного феномену. Ним, як показано на прикладі історико-філософського аналізу становлення держави як поняття та соціокультурного феномену виступає народ.

Підводячи підсумки соціокультурного та історико-філософського екскурсу становлення змісту терміну держава варто зазначити, що субстанцією держави виступає народ. Ця традиція у розуміння сутності держави як соціокультурного феномену виникла ще в період античності й більшою чи меншою мірою проявлялася на усіх етапах суспільно-політичного та соціокультурного розвитку. Що стосується розуміння внутрішньої сутності держави, то тут варто зазначити, що вона є історично змінною й пройшла свій розвиток від спільноти, якими були античні міста-держави, через спілки, що найбільш яскраво виявилася в період формування монархічних держав й повернулася до спілки, що яскраво засвідчує ідеал сформованої сьогодні національної держави. в цьому контексті варто згадати про такий обов'язковий атрибут держави як влада. Адже саме зміна носія влади чи спектр її поширення змінював не тільки саме розуміння держави, але й термін, що використовувався для її позначення. Зважаючи на усі зроблені зауваження варто відзначити, що держава – це територіальна корпорація народу, який володіє верховною владою. Це визначення дає повне право стверджувати, що в сучасних соціокультурних умовах дуалізм держави та суспільства мав би бути архаїзмом, а не соціокультурним фактом сьогодення.

Список використаних джерел

1. Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть / Михайло Грушевський. – К.: Т-во “Знання в Україні”, 1991. – 240с.
2. Еллинек Г. Право современного государства: Общее учение о государстве / Г.Еллинек; [Пер. Гессен В.М., Под ред. Шалланд Л.В.]. – СПб.: Тип. т-ва “Обществ. Польза”, 1903. – Т.1. – 532 с.
3. Жданова Г.В. Очерк теоретический предпосылок и методологических аспектов философии права в России [Электронный ресурс] / Г.Жданова // Вопросы философии – 2012. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=486&Itemid=52
4. Кольев А.А. Нация и государство: теория консервативной реконструкции / А.Кольев. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
5. Липинський В. Листи до братів – хліборобів: про ідею і організацію українського монархізму [писані 1919–1926 р.] / В'ячеслав Липинський. – Видано фотодруком у 1955 році без жодних змін – накладом Видавництва Булава в Нью Йорку. – 580с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб: Азбука-классика, 2004. – 336с.
7. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю.Хабермас // Нации и национализм: [Пер с англ. и нем. Л.Переяславцевой, М.Панина, М.Гнедовского]. – М.: Практик, 2002. – С.364–380.
8. Цицерон Про державу [переклад В.Литвинова] [Електронний ресурс] / Цицерон. – Режим доступу: http://www.ae-lib.org.ua/texts/cicero_de_re_publica_ua.htm

References

1. Grushevs'kyj M. Xto taki ukrajinci i chogo vony hochut / M.Grushevskij. – K.: T-vo “Znannya v Ukraini”, 1991. – 240 s.
2. Ellynek G. Pravo sovremennogo gosudarstva: Obshhee uchenye o gosudarstve / G.Ellynek; [Per. Gessen V.M., Pod red. Shalland L.V.]. – SPb.: Ty'p. t-va “Obshhestv. Polza”, 1903. – T.1. – 532 s.
3. Zhdanova G.V. Ocherk teoreticheskyj predposiok u metodologicheskikh aspektov fylosofiy prava v Rossii [Elektronnyj resurs]

/ G.Zhdanova // Voprosi fylosofiy – 2012. – Rezhym dostupa: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=486&Itemid=52

4. Kolev A.A. Nacya y gosudarstvo: teoriya konservativnoy rekonstrukcii / A.Kolev. – M.: Logos, 2005. – 800 s.
5. Lypynskij V. Lysty do bratov – xliborobiv: pro ideyu i organizaciyu ukraynskogo monarxizmu [pysani 1919–1926 r.] / V.Lypynskij. – Vydano fotodrukum u 1955 roci bez zhodnyx zmin – nakladom Vydavnyctva Bulava v Nyu Jorku. – 580 s.
6. Nyczshe F. Tak govoryl Zaratustra. – SPb: Azbuka-klassyka, 2004. – 336 s.
7. Xabermas Yu. Evropejskoe nacyonalnoe gosudarstvo: ego dostyzheniya y' predely. O proshlom y budushhem suvereniteta y grazhdanstva / Yu.Xabermas // Naciay y nacyonalizm: [Per s angl. y nem. L.Pereyaslavcevoj, M.Panyna, M.Gnedovskogo]. – M.: Praksys, 2002. – S.364–380.
8. Cyceron Pro derzhavu [pereklad V.Lytvynova] [Elektronnyj reurs] / Cyceron. – Rezhym dostupu: http://www.ae-lib.org.ua/texts/cicero_de_re_publica_ua.htm

Storozhuk S.V., Doctor of philosophical sciences, associate professor of the Department of Philosophy National University byoresursov of nature and Ukraine (Ukraine), sveta0101@ukr.net

The problem of determining the nature of the state: social and cultural, historical and philosophical context

This article analyzes the formation of substantial essence of the term “State”. To achieve this goal the dialectical method and the method of cultural and textual analysis are used. The analysis of the historical transformation of the content of the term “state” is undertaken on such the basis, and the historical dynamics of inclusion of basic elements of modern state such as territory, power, population to its content is revealed. The philosophical meaning of the category “modern state”, which stands for the power of the people, is clarified on this background. The content volume of the term “people” as super ethnic community of people united by common idea or teleological purpose is also specified. The interrelation of theory of state with social cultural phenomenon of state is revealed and it is established on this basis that the current opposition of state to society does not correspond those social and political values, including democracy, which are declared by politicians today.

Keywords: state, polis, empire, land, nation, democratic values.

Сторожук С.В., доктор філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природопользовання України (Україна), sveta0101@ukr.net

Проблема определения сущности государства: социкультурный и историко-философский контекст

Анализируется становление смысловой нагрузки термина “государство”. Поставленная цель реализуется с помощью диалектического, а также метода культурологического и текстологического анализа. На их основе осуществлен анализ исторической трансформации содержания термина “государство”; выявлено историческую динамику включения основных элементов современного государства – территории, власти, народа в содержание термина “государство”, а также конкретизировано философское содержание категории “современное государство”, она, как показано в работе, обозначает наделенный властью народ. Среди прочего уточнено смысл категории “народ”, которая обозначает надэтническую общность людей объединенную общей идеей или телеологической целью. Выявлена взаимосвязь теории государства с соответствующим социкультурным феноменом. На этой основе установлено, что сформированная в современном украинском обществе оппозиция государства и народа не соответствует тем общественно-политическим ценностям, в частности, демократии, которые декларируются политиками.

Ключевые слова: государство, полис, империя, земля, нация, демократические ценности.

* * *

УДК 339:330.544.2

Стрижова И.А.

кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры философии, истории и политологии, Одесский национальный экономический университет (Украина, Одесса), iren_teacher@ukr.net

Восток под ударами глобального консюмеризма

Анализируется процесс воздействия западного консюмеризма на восточные цивилизационные ареалы (Япония, Китай). Япония, по мнению исследователей, представляет собой удачный вариант глокализации (проведение модернизации без потери национально-цивилизационного своеобразия), а китайское руководство использует традиционные конфуцианские ценности, пытается сдержать наступление глобального консюмеризма.

В наше время существуют различные методологические стратегии и теоретические подходы к истолкованию данной проблемы. Что касается восточных цивилизаций, проблемы приобщения к консюмеризму стали предметом исследований С.В. Чугрова, В.Г. Федотовой, а из числа зарубежных следует, прежде всего, назвать К.Герта и Дж.Арриги.

Ключевые слова: глобализация, консюмеризм, глокализация, вестернизация, цивилизация, потребительские ценности, идентичность.

(статья друкється мовою оригіналу)

Глобализация, которая оказывает влияние, по сути, на все сферы жизнедеятельности социума, не могла не захватить в свою орбиту и сферу потребления. В данном случае речь идет не просто о том, что потребление во многих странах и цивилизациях становится все более унифицированным и стандартным. Дело в том, что консюмеризм, как характерная черта западного образа жизни, все более проникает, наряду с другими западными ценностями, в другие культуры и цивилизации. Общество потребления становится эталоном, желаемым образом для миллионов людей на планете. Эти факторы и обусловили обращения автора к названной проблеме.

Чрезвычайно большой вклад в разработку теоретического анализа общества потребления внес Т.Веблен, который в конце XIX века предложил теорию показного (престижного) потребления. Его работа “Теория праздного класса”, по сути, была предтечей последующих работ Х.Ортеги-и-Гассета, посвященных “массовому обществу”. В своей работе Т.Веблен показал, что для “праздного класса”, который возник в США в результате повышения уровня достатка, доминирующей становится потребительская модель образа жизни.

Для праздного класса характерно демонстративное потребление, связанное с перенесением значения вещи из сферы собственной (личной) необходимости владельца в сферу социальной (статусной) необходимости. Человек “праздный” организует атрибутивную и досуговую части потребления так, что общий смысл его приобретений состоит в возвышении социального статуса. От аристократического потребления оно отличается отсутствием нравственных ограничений и социально-функциональной обоснованностью. Буржуазия не может доказать свое право на роскошь, а также свою макросословную самостоятельность. Поэтому потребление праздного класса отличается кричащей, вызывающей роскошью.

В наше время существуют различные методологические стратегии и теоретические подходы к истолкованию данной проблемы. Эволюция форм анализа феномена потребительского общества отразилась в технологических идеях Ж.Фурастье и К.Боулдинга, теории постиндустриализма Дж.Гэлбрейга и Д.Белла, теории “крайнего технологического оптимизма” Г.Кана, теории “сверхиндустриального общества” Э.Тоффлера, “программируемого общества” А.Турена, постмодернистских концепциях Ж.Бодрийяра и З.Баумана.

В своих работах английский социолог польского происхождения З.Бауман (“Текущая современность”) и Ж.Бодрийяр (“К критике политической экономии знака” и “Общество потребления: его мифы и структуры”) сравнивают процесс потребления с новой религией. Не случайно Бауман использует метафору “храма” для обозначения пространства для покупок (современных супермаркетов). Потребление превращается в потребительский тотемизм. Создается парадоксальная ситуация: религия вытесняется из публичного пространства,

ее лишают таким образом тотальности, но взамен общество потребления вырабатывает новые типы религиозности, которые могут оказаться в перспективе понастоящему тоталитарными, особенно учитывая воздействие СМИ и массовую культуру.

Бауман обращает внимание на то, что бурное распространение консюмеризма в XXI веке ведет к тому, что проблема эта не ограничивается только потребительским обществом Запада.

Ныне консюмеризм (потребительство) становится феноменом глобального масштаба. Если в средние века на парусных судах европейцы распространяли по всему миру товары, технологии, христианство и ценности западной цивилизации, то ныне глобализация как “Летучий Голландец” несет вирус консюмеризма народам других культур и менталитета.

В условиях глобализации, а тем более вестернизации, когда ценности и нормы западного образа жизни агрессивно распространяются по всему миру, консюмеризм становится феноменом глобального масштаба. И общество потребления, бывшее до недавнего времени своего рода универсальным стимулом экономического роста, продолжает культивировать в человеке потребительские ценности, которые быстро расплозуются за пределы ориентированного до сих пор на эту модель развития “золотого миллиарда”.

Формула цивилизационного универсализма, реализуемая в механизмах различного влияния Запада (в том числе и потребительского) на иной мир, способствует разрушению иных цивилизационных регуляторов, подрыву тех социокультурных и политических механизмов регулирования общества, которые вырабатывались веками.

Тем не менее, восточные цивилизационные ареалы (прежде всего тихоокеанского региона) стараются держать “оборону” перед угрозой вестернизации, утраты своих культурно-ментальных кодов.

Японию некоторые специалисты приводят как пример удачной глокализации – синтез модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, который осуществляется в процессе культурной гибридизации, т.е. взаимообогащения культур.

В этом её ответ на вызовы глобализации, грозящей обезличить национальное культурно-цивилизационное своеобразие.

Что касается Японии, то для неё характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осацкого университета Я.Масакадзу, “западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнить с легированием металлов или с химическим соединением”. В отличие от этого в Японии, элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли всё же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи [13, с. 38–46].

Если обратиться к истории этой страны, к эпохе Мейдзи (середина XIX ст.), когда произошла встреча с “южными варварами” (так японцы стали именовать европейцев при первом знакомстве), они столкнулись с новым для себя мировоззрением – материалистически-прагматическим. Точка зрения голой выгоды и полезности оказалась созвучна в первую очередь менталитету

местного купечества, но не японскому обществу в целом. Подчеркнём: купеческое сословие, несмотря на всё своё богатство, считалось самым низким из четырёх сословий. Высшим считалось сословие самураев, воплощавших в себе конфуцианскую и буддийскую идею нестяжания и аскетизма – знание высшей истины Бытия. Материальная составляющая была для них лишь второстепенным измерением жизни и никак не могла стать её целью и смыслом. Собственное существование имело для этих людей смысл не само по себе, а лишь постольку, поскольку становилось примером благородного служения.

Столкновение с цивилизацией, основанной на матери и расчёте, стало серьёзным испытанием для пребывающих в лоне традиционных представлений жителей Японских островов [6, с. 54].

Но японская цивилизация не только выдержала это столкновение. Г.Лебон в свое время писал: “Можно легко сделать бакалавра или адвоката из негра или из японца; но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на его психическую природу, из которой он не может извлекать никакой пользы... Этот негр или этот японец могут получать сколько угодно дипломов, но им никогда не подняться до уровня обыкновенного европейца”. Чтобы достичь этой цели, считал Лебон, понадобится как минимум тысяча лет. Как видим, хватило и ста.

И сейчас эта страна – один из лидеров научно-технического прогресса.

Можно сказать, что в Японии сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовно–нравственная) – дальневосточная. Какую из них считать ключевой? Это зависит от контекста и точки зрения. Всё же, в глубинном смысле, ведущей следует, очевидно, считать дальневосточную, поскольку она основана на архетипах, длящихся из “вечности в вечность” [12, с. 61].

Кстати, даже за утонченной простотой чайной церемонии лежит отнюдь ни бедность и нищета, а отрицание роскоши и богатства, как факторов, мешающих восприятию пространства и отвлекающих от проникновения во внутреннюю гармонию мира.

Если в интерпретации японской идентичности учитывать фактор любви к отечеству, то опросы общественного мнения дают достаточно убедительную картину. Ощущают чувство любви к родине более 70% японцев, а в том, что они вообще лишены этого чувства, признались только 2%.

Характерные черты добавляют к коллективному портрету японцев опросы об их отношении к нации–государству. Отвечая в 2007 г. на вопрос “Что для вас важнее – выгода нации–государства как целого или личная выгода?”, 47,4% отдали симпатии национальной выгоде и лишь 29,7% предпочли личную выгоду [12, с. 63].

Западные авторы никак не могут понять, почему это в Японии, в отличие от других богатых и развитых стран, уровень разводов возрастает очень незначительно и семья сохраняют поразительную стабильность [5, с. 178, 180].

Японская идентичность эволюционирует одновременно в двух направлениях – дрейфуя в сторону западных моделей поведения (это скорее внешний, поверхно-

стный слой самоидентификации) и подтверждая верность ключевым ценностям восточной цивилизации (это более глубинный, корневой уровень самоидентификации). Само собой, внешняя сторона жизни и поведения японцев больше бросается в глаза и создаёт впечатление ведущей тенденции.

Видимо, это дало основание в начале 90–х годов XX в. Ф.Фукуяме заявить, что “следуя по стопам Соединённых Штатов, Япония пришла к истинно универсальной культуре потребления – этому “символу, и фундаменту общечеловеческого государства” [11].

А спустя десятилетие он вынужден был признать, что “мир вдруг стал плохо взаимосвязан” и “в основе различий теперь будут лежать другие факторы, такие, например, как культура”. Этот феномен он назвал “иронией современной истории” и привёл пример: если японцы и американцы во времена холодного мира рассматривали себя как нечто одинаковое, то сегодня они увидели, что они разные. Причём разные не только по культуре.

Столкновение Китая с обществом потребления произошло сравнительно недавно. В годы “культурной революции” потребление населения ограничивалось психологическим давлением политики “благородной бедности”.

Еще в конце 1970–х гг. население отдавало предпочтение покупкам традиционных для китайской семьи товаров: “трем вертящимся и одному звучащему” (часы, велосипед, швейная машинка и радиоприемник). Покупка даже этих товаров была возможна только в результате жесткой экономии. Многие товары можно было приобрести только по карточкам, например, хлопчатобумажные ткани, вату, мыло, а также практически все виды продуктов питания. О многих товарах длительного пользования китайское население даже крупных городов не имело никакого представления.

После 1984 г. начался довольно быстрый рост доходов населения. За 20 лет реформ доходы городского населения выросли в 3,8 раза, а сельского – в 4,7 раза [4, с. 26–27]. Правда, и сейчас почасовые затраты на оплату рабочей силы в Китае в 80 раз меньше, чем на Западе [3, с. 183].

Потребительский рынок в Китае развивается в основном за счет городского населения. Потребности китайского крестьянина продолжают сохраняться на довольно невысоком уровне, о чем свидетельствует постоянный и активный рост объемов сбережений. Городское и сельское население копит деньги на образование детей, покупку жилья и автомобилей, а также на “черный день”.

Сегодня, как считает английский профессор К.Герт, в Китае растет благосостояние, правда, все еще соседствуя с бедностью, развивается средний класс и консюмеризм и, по его мнению, направленность развития этой страны – “от коммунизма к консюмеризму” [2, с. 15].

Он отмечает небывалый рост консюмеристских мотиваций в Китае и активное участие Запада в насыщении китайского рынка, сдвиг в сознании граждан Китая, толкающий их к идее доминирования потребления над производством.

Поскольку китайские власти, нуждаясь в обновлении технологий и в нахождении своего места в глобальной экономике, открыли страну для Запада, они тем

самым способствовали изменению потребительских запросов (зачастую в сторону зарубежных товаров).

Примером роста консюмеризма, не присущего ранее китайскому обществу, предпочитавшему накопление, может стать случай глубокого возмущения китайцев, которые простояли дни и ночи в очереди за новым айфоном фирмы “Apple” и не получили его из-за того, что магазин не открыли, опасаясь натиска толпы [8, с. 19].

“Для американских маркетологов китайские потребители представляют собой идеальную целевую аудиторию; молодые люди с достаточными доходами, еще не определившиеся между пепси и колой” [2, с. 18].

Д.Фридман даже уверен, что эгалитаризм, бескорыстие и служение людям стали архаичными понятиями, которые в Китае хотя все еще и проповедуют, но в которые уже никто не верит и тем более использует [10, с. 333].

Психология безудержного потребления активно экспортируется в Китай. В одном репортаже из Китая говорилось о некоем китайском бизнесмене из Сан-Франциско, приехавшим на родину предков с миссионерскими планами обратить своих единоплеменников в новую консюмеристскую веру. Он арендует спортивные арены, собирает многотысячные толпы (в основном безработную молодежь) и учит их скандировать хором: “Я люблю деньги!!!”.

Запад все больше ориентирует Китай на потребление и формирует в стране соответствующие условия. К.Герт четко характеризует влияние консюмеризма на изменение идентичности китайцев в условиях, когда треть населения приближается к позиции среднего класса: “Общество потребления предполагает не просто больше разных покупок. Консюмеризм – это выстраивание общественной жизни вокруг товаров и услуг и прочное вращение потребительства в повседневную жизнь общества, члены которого формируют послания друг другу с помощью приобретенных на рынке благ... В потребительской культуре определяют себя не только через происхождение, речь, место рождения, религиозную принадлежность, но и через вещи: прожорливый “Хаммер” и экономичную “Тойоту–Приус” покупают разные люди” [2, с. 24–25].

С 2001 г. Китай занимает 4-е место в мире по потреблению золота после Индии, США и Саудовской Аравии. Покупка золотых изделий в Китае занимает 96% на общем рынке потребления золота. Причем, опросы общественного мнения, проведенные в 10 самых больших городах страны, показали, что свыше 80% покупателей приобретают золотые изделия как украшения и лишь 11,1% – для вложения капитала [4, с. 31].

В свое время Дэн–Сяопин считал, что если сначала разбогатеет небольшая часть населения, это послужит основой формирования мощного среднего класса. Средний класс действительно появился, но наряду с этим растет социальная поляризация. Китайская деревня сегодня – это более чем скромность, во многих случаях – это нищета.

А в это время чиновники высокого ранга, не говоря о крупных бизнесменах, утопают в роскоши. Это для них сверкают столичные витрины с драгоценностями,

для них ежегодно проводятся автомобильные выставки, строятся великолепные особняки и проч. и проч.

Изменение экономических условий жизни влечет за собой сдвиги в мировоззрении, в системе ценностей. Эта азбучная истина, зафиксированная еще К.Марксом, со всей очевидностью проявляется сейчас и в Китае. К.Герт даже считает, что поскольку потребительская культура меняет восприятие мира, то “...преображение Китая влечет последствия – запланированные и нечаянные – для всего мира, который не сразу сможет их осознать... Китайский бросок в консюмеризм глубинным образом скажется на будущем Китая, и всей планеты... Куда пойдет Китай, туда пойдет мир” [2, с. 27].

Нужно отдать должное руководству страны, которое хорошо помня, что погубило династию Тан и, отдавая себе отчет, каким социальным взрывом это грозит сейчас, стараются применять жесткие меры в борьбе с коррупцией и распространением безудержного потребления (с телевидения убирается реклама сверхдорогих вещей, чиновников ограничивают в средствах передвижения, проведении банкетов и проч.). Но как долго коммунистическому руководству удастся удерживать баланс между социальной справедливостью и аппетитами тех, кто уже глотнул отраву потребительства, покажет будущее.

Н.Н. Федотова вообще считает, что “даже двойная система защиты Китая от разрушения китайской идентичности – традиции пятитысячелетней цивилизации и коммунистический режим – не вполне спасают от негативных изменений, роста аномии, консюмеризма, девиантного поведения” [9, с. 25].

На вопрос, что же получится в результате китайской модернизации – социализм или капитализм, наилучший ответ дал Дж.Арриги в своей книге “Адам Смит в Пекине”. Он выделяет капиталистический путь развития, который характерен для Запада, и некапиталистический рыночный путь развития в Китае. Последний идейно восходит к А.Смиту. Этот путь был в Китае в XVII в. и он же реализуется там сегодня, как утверждает Арриги. Он говорит, что если Китай не построит капитализм, это не будет означать, что он построил социализм. Если же он не построит социализм, это не будет означать, что он построил капитализм [1].

В любом случае это не будет слепая копия неолиберального варианта. Чувство принадлежности древней культуре служит условием самоуважения и идентичности для народов Восточной Азии, которые могут и не нуждаться в государстве всеобщего благосостояния со всеми его пагубными непреднамеренными последствиями, как утверждает Ли Куан Ю (лидер Сингапура), и “благодетели” с Запада не должны им его навязывать.

Допуская заимствования европеизма в экономической и политической сфере, А.Тойнби оставлял открытым вопрос, касающийся духовной сферы и сферы культуры. В связи с этим, делая акцент на соперничестве разных обществ, а точнее, цивилизаций, он глубокомысленно замечал: “В духовном поединке последнее слово еще не сказано” [7, с. 34].

История не завершилась, ее ход вряд ли пойдет по сценарию Ф.Фукуямы или З.Бжезинского. Мы не знаем, какие идеи будут в умах мексиканцев или индейцев, китайцев или индонезийцев через полвека. Вряд ли они

станут писать историю по предложенному им черновику “глобализация во имя прогресса”.

Список использованных источников

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Пер. с англ. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
2. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: Как китайские потребители меняют правила игры / Пер. с англ. Н.Мезина. – М.: ООО “Юнайтед Пресс”, 2011. – 271 с.
3. Дружинин А.Г., Брюне А., Гишар Ж. Глобалистика меркантилизма. Новый взгляд мировую экономику и международные отношения // Вопросы философии. – 2012. – №5. – С.182–185.
4. Жигулева В.В. КНР на пути к “обществу потребления” // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №9 (650). – С.25–31.
5. Лал Д. Непреднамеренные последствия. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 338 с.
6. Скворцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. – 2012. – №7. – С.52–63.
7. Тойнби А. Постожение истории / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
8. Федотова В.Г. Теорема Томаса китайской модернизации // Вопросы философии. – 2012. – №6. – С.17–23.
9. Федотова Н.Н. Проектные функции идентичности в китайской модернизации сегодня // Вопросы философии. – 2012. – №6. – С.23–27.
10. Фридман Д. Следующие сто лет: прогноз событий в XXI веке. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с.
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/>
12. Чугров С.В. Япония: гибридизация и гармонизация // Политические исследования. – 2008. – №3. – С.58–67.
13. Masakazu Y. Pluralism in der Kultur. Japan und der Westen. Fr.–a–M., 1986.

References

1. Arrighi Dzh. Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek / Per. s angl. – M.: Institut obshhestvennogo proektirovaniya, 2009. – 456 s.
2. Gert K. Kuda pojdet Kitaj, tuda pojdet mir: Kak kitajskie potrebiteli menjajut pravila igry / Per. s angl. N.Mezina. – M.: ООО “Junajted Press”, 2011. – 271 s.
3. Druzhinin A.G., Brjune A., Gishar Zh. Globalistika merkantilizma. Novyj vzgljad mirovuju jekonomiku i mezhdunarodnye otnoshenija // Voprosy filosofii. – 2012. – №5. – S.182–185.
4. Zhiguleva V.V. KNR na puti k “obshhestvu potreblenija” // Azija i Afrika segodnja. – 2011. – №9 (650). – S.25–31.
5. Lal D. Neprednamerennye posledstvija. – M.: IRISJeN, 2007. – 338 s.
6. Skvorcova E.L. Japonija: krizis kul’turnoj identichnosti pri vstreche s zapadnoj civilizacijej // Voprosy filosofii. – 2012. – №7. – S.52–63.
7. Tojnbi A. Postizhenie istorii / Per. s angl. – M.: Progress, 1991. – 736 s.
8. Fedotova V.G. Teorema Tomasa kitajskoj modernizacii // Voprosy filosofii. – 2012. – №6. – S.17–23.
9. Fedotova N.N. Proektnye funkcii identichnosti v kitajskoj modernizacii segodnja // Voprosy filosofii. – 2012. – №6. – S.23–27.
10. Fridman D. Sledujushhie sto let: prognoz sobytij v XXI veke. – M.: Jeksmo, 2010. – 336 s.
11. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/>
12. Chugrov S.V. Japonija: gibridizacija i garmonizacija // Politicheskie issledovanija. – 2008. – №3. – S.58–67.
13. Masakazu Y. Pluralism in der Kultur. Japan und der Westen. Fr.–a–M., 1986.

Strizhova I.A., Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of Philosophy, History, and Political Science Department, Odessa National Economic University (Ukraine, Odessa), iren_teacher@ukr.net

East under impact of global consumerism

In the article it is analyzed impact of Western consumerism on eastern civilization areas (Japan, China). According to researches Japan represents a good example of glocalization (modernization without loss of national and civilization identity),

however Chinese leaders use traditional Confucian values, try to restrain attack of the global consumerism.

Today there are various methodological strategies and theoretical approaches to interpretation of this problem. As to eastern civilizations, problems of communion with the consumerism have become a subject of researches conducted by S.V. Chugrov, V.G. Fedotova, and from amongst of foreign scientists it should be, first of all, mentioned K.Gert and G.Arrighi.

Keywords: globalization, consumerism, glocalization, westernization, civilization, consumption values, identity.

Стрижова І.А., кандидат історичних наук, ст. викладач кафедри філософії, історії та політології, Одеський національний економічний університет (Україна, Одеса), iren_teacher@ukr.net

Схід під ударами глобального консюмеризму

Аналізується процес впливу західного консюмеризму на східні цивілізаційні ареали (Японія, Китай). Японія, на думку дослідників, являє собою вдалий варіант глокалізації (проведення модернізації без втрати національно-цивілізаційного своєрідності), а китайське керівництво використовує традиційні конфуціанські цінності, намагається стримати наступ глобального консюмеризму.

У наш час існують різні методологічні стратегії та теоретичні підходи до тлумачення даної проблеми. Що стосується східних цивілізацій, проблеми прилучення до консюмеризму стали предметом досліджень С.В. Чугрова, В.Г. Федотової, а з числа зарубіжних слід назвати, перш за все, К.Герта і Дж.Аррігі.

Ключові слова: глобалізація, консюмеризм, глокалізація, вестернізація, цивілізація, споживчі цінності, ідентичність.

* * *

УДК 37.035.7

Ананьїн В.О.

доктор філософських наук, професор, професор кафедри військово-гуманітарних дисциплін, Військовий інститут телекомунікацій та інформатизації Державного університету телекомунікацій (Україна, Київ), ganaga@ukr.net,

Пучков О.О.

кандидат філософських наук, доцент, начальник факультету, Військовий інститут телекомунікацій та інформатизації Державного університету телекомунікацій (Україна, Київ), ganaga@ukr.net

ІНФОРМАЦІЙНА БЕЗПЕКА ЯК СКЛАДОВА НАЦІОНАЛЬНОЇ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Аналізується зміст інформаційної безпеки та її ролі в загальній системі національної безпеки сучасного суспільства. Показано, що в умовах зростання інформаційних процесів в сучасному суспільстві, зростає необхідність запобігання їх можливого негативного впливу як на свідомість окремого індивіда, так і на суспільство в цілому.

Ключові слова: безпека, національна безпека, інформація, інформаційна безпека, інформаційні ресурси, інформаційний вплив, інформаційні технології, інформаційна загроза.

Кінець ХХ століття вніс значні зміни у сприйняття соціального значення інформації в сучасному суспільстві. Стрімкий розвиток комунікаційних технологій призвів до виникнення низки нових загроз світовому і національному розвитку. Серед них особливе значення набуває інформаційна безпека суспільства, держави, особистості. Це пов'язано з процесом формування інформаційного суспільства, характеристикою якого є всепроникаюча у всі його сторони життєдіяльності інформація. Сучасні технології вже не обмежуються рамками однієї країни, а мають загальносвітове значення. В умовах тотальної інформатизації суспільства значну роль відіграють питання інформаційної безпеки.

Феномен інформації та інформаційної безпеки як соціального явища в сучасному світі є предметом досліджень В.Богуша, Б.Баді, О.Барінова, С.Брауна, В.Варюхіна, Р.Гакета, В.Губаєва, Ю.Даника, М.Дзюби, К.Дойча, С.Жука, І.Замаруєвої, Д.Істона, С.Кара-